

DOI: 10.47026/1810-1909-2021-2-22-26

УДК 343.81(470.334-21) Чебоксары «1920/1925»

ББК Х409.02(2Рос.Чув.Чеб)-1

Е. В. ВЫРЛАН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАГЕРЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В Г. ЧЕБОКСАРЫ

Ключевые слова: кадровый состав, лагерь принудительных работ, заключенные, голод, Чувашская автономная область (1920–1925 гг.), революционный трибунал.

В статье проводится попытка проанализировать деятельность лагерей принудительных работ на примере функционирования Лагеря принудительных работ Чувашской автономной области (ЧАО) в 1920–1921 гг. Работа выполнена на основании ранее неопубликованных источников Государственного исторического архива Чувашской Республики. Рассматриваются особенности классификации заключенных, их численность в лагере принудительных работ Чувашской автономной области в г. Чебоксары, налагаемые на них режимные ограничения, анализируются наиболее частые нарушения дисциплины в лагере, показаны вопросы организации лагеря и условия прохождения службы в нем, система оплаты труда сотрудников, а также трудности в работе учреждения в условиях сложившейся социально-экономической ситуации в годы массового голода в Поволжье. История становления и деятельности лагерей принудительных работ в настоящее время остается недостаточно освещенной, особенно на региональном уровне. По результатам исследования сделан вывод о причинах ликвидации лагерей принудительных работ, а также о необходимости детального изучения региональных аспектов рассматриваемой проблемы.

Система органов исправительно-трудовой системы прошла значительный путь становления. В начале 1920-х гг., в тяжелейших условиях, когда страна восстанавливалась от последствий первой мировой войны, революции, гражданской войны на социально-экономические причины бедствия наложилась засуха. В условиях страшного голода лагеря принудительных работ столкнулись с рядом проблем и, прежде всего, с обеспечением питания как работников, так и заключенных, их вещевым довольствием, нехваткой квалифицированных кадров и практически с полным отсутствием медицинского обеспечения.

Данная проблема стала объектом изучения ряда исследователей (З.А. Астемирова [1], М.Г. Деткова [8], Г.М. Ивановой [9] и др.), однако в масштабах деятельности отдельных регионов некоторые аспекты все же остаются малоизученными, что не позволяет в целом отразить общую картину функционирования лагерей принудительных работ уже в масштабах всей страны.

Лагеря принудительных работ в основном предназначались для содержания политических противников советской власти в отличие от общих мест заключения, находившихся в подчинении Народного комиссариата юстиции РСФСР.

Согласно ст. 2 Декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов «О лагерях принудительных работ», заключению в лагерь подлежали те лица и категории лиц, в отношении которых состоялись постановления отделов управления Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, революционных трибуналов, народных судов. В них направлялись контрреволюционные элементы, лица, обвиненные в шпионаже, бывшие солдаты

и офицеры белой армии, а также иные лица, которые были признаны опасными для общества (карточные шулеры, заложники, проститутки и другие) [11].

На территории Поволжья первые лагеря принудительных работ были созданы в 1919 г. Общая картина деятельности исправительно-трудовых учреждений нашла отражение в региональной политике отдельной местности.

Так, в Чувашской автономной области органы местной власти пытались решить проблему функционирования лагерей принудительных работ, исходя из скудного бюджета. Одним из них был Лагерь принудительных работ Областного отдела Управления Областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ЧАО в г. Чебоксары, который функционировал в 1920–1922 гг.

Численность отбывавших наказание постоянно менялась, поэтому сложно сказать определенно о количестве заключенных лагеря. Согласно Книге приказов, в августе 1921 г. в лагере было размещено двести сорок девять заключенных, в сентябре – уже сто сорок человек, примерно столько их оставалось в течение всего дальнейшего срока функционирования данного учреждения [2].

Согласно инструкции Главкомупревпринудработ от 3 июня 1919 г., в лагере должны были находиться только осужденные с содержанием к административным арестам, следственных на территории лагеря не было. Исходя из архивных данных, большая часть заключенных была осуждена на срок более пяти лет [3. Л. 6], но в связи с участвовавшими в 1921 г. хищениями с огородов и полей картофеля, яблок и других плодов в лагере принудительных работ содержалось значительное число заключенных, осужденных на срок до одного года за подобные преступления.

Сложившаяся в регионе экономическая ситуация крайне негативно сказывалась на бытовых условиях осужденных. Прежде всего это касалось вопросов питания заключенных, недостатка нательных вещей, низкого уровня медицинского обслуживания. Тяжелобольных заключенных отправляли на излечение в Чебоксарскую советскую больницу.

Рабочий день заключенных длился с восьми часов утра до четырех часов дня. Свидания с арестованными были разрешены один раз в неделю по субботам. Также заключенным предоставлялось право на прогулку ежедневно с пяти до шести вечера. Кроме того, согласно архивным данным, исправляющихся осужденных на пять лет отпускали в отпуск на семь суток один раз в год, а заключенных разряда образцовых – на семь суток два раза в год, как правило летом, в период полевых работ [4].

Заслуживает внимания анализ наиболее частых нарушений в исправительно-трудовых домах в начале 1920-х гг. В лагере принудительных работ ЧАО побеги как с территории лагеря, так и с места внешних работ были очень частым явлением. Бежавших задерживали и доставляли в Чебоксарский отдел уголовного розыска. Для ликвидации массовых побегов из лагеря принудительных работ среди заключенных назначались старшие. В случае побега старшие и остальные поручители предавались суду Ревтрибунала как соучастники побега. За побег заключенных, по предоставлению коменданта лагеря, в первый раз срок заключения увеличивался до десятикратного размера первоначального срока постановления Коллегии Оботуправа, за второй раз – дело передавалось суду Ревтрибунала, который был вправе определить наказание вплоть до высшей меры [3. Л. 9].

За неаккуратное содержание камер, нарушение тишины, отказ от работы, неподчинение распоряжению администрации лагеря заключенных подвергали в административном порядке штрафу в сумме 5 % от заработной платы, либо из будущего заработка [3. Л. 9].

Примером структуры администрации лагерей принудительных работ может служить кадровый состав лагеря ЧАО, где, согласно именному списку, штат состоял из следующих должностей: комендант лагеря, два помощника коменданта, казначей, бухгалтер, делопроизводитель, два старших надзирателя, два помощника делопроизводителя, машинистка, два конторщика, каптенармус, курьер, два повара, два помощника повара, два конюха, четыре старших надзирателя, восемь младших надзирателей. Кроме того, для сопровождения заключенных на работы (по два сотрудника на сто человек) было шесть человек. Все сотрудники являлись лицами мужского пола.

Комендант управлял лагерем, а также был ответственен за точное исполнение всех издававшихся приказов. Заместитель коменданта и непосредственный его помощник по управлению лагерем также заведовали принудительными работами и хозяйственной частью. Бухгалтер вел послужную отчетность лагеря и был ответственен за нее. Казначей заведовал кассой, вел денежные и квитанционные книги. Делопроизводитель, в свою очередь, занимался канцелярией и был ответственен за регистрацию заключенных и военнопленных в рамках положений и инструкций по лагерю. Помощники делопроизводителя ведали административной и хозяйственной частью делопроизводства. Конторщик и счетовод исполняли канцелярскую работу, вели таблицу рабочих дней и книгу нарядов. Каптенармус ведал учетом и хранением складов и был ближайшим помощником заведующего хозяйством при получении, распределении и выдаче продуктов питания.

Заработная плата сотрудникам выплачивалась в зависимости от разряда и квалификации работника, которых в 1921 г. было всего семнадцать (вместо прежних тридцати пяти) человек. Самая большая заработная плата приходилась на коменданта лагеря – около 2800 руб. в месяц. Самая маленькая – на курьера (1360 руб. в месяц), что сходилась со средними показателями по стране [6].

Работников лагеря принимали на двухнедельное испытание. Красноармейцам, исполнявшим обязанности старших надзирателей, выплачивали сверх получаемого ими от Сектора довольствия и красноармейского жалования шестьсот рублей, исполнявшим обязанности младших надзирателей – триста рублей. Несмотря на это, согласно архивным данным из рапорта караульного службы лагеря принудительных работ от 9 апреля 1921 г., жалование служащим не выплачивалось с ноября 1920 г. В карауле из 8 винтовок 4 были неисправны, а также к ним абсолютно отсутствовали патроны. В лагере катастрофически не хватало одежды, чтобы выйти на пост. В годы массового голода, в условиях сложнейшей социально-экономической ситуации в регионе питание как заключенных, так и работников было очень скудным. В перечень продуктов входили хлеб, масло, рыба, соль, крупа, горох, чечевица, крупа, и те – в крайне недостаточном количестве [7]. Из заявления служащего лагеря, в котором он просит о недельном отпуске, потому что «здесь нечем питаться, а дома всяко можно все найти», следует то, что служащие лагеря трудились в крайне тяжелых условиях [5]. Благодаря их усилиям и не-

человеческому труду учреждение продолжало функционировать в «голодные годы» и выполняло свои основные функции.

В конце 1922 г. лагеря принудительных работ в стране ликвидируются (как не предусмотренные УК РСФСР 1922 г.). В октябре 1922 г. было принято решение об организации Главного управления места заключения НКВД РСФСР и передачи всех мест заключения в его ведение. В связи с этим Лагерь принудительных работ Областного отдела Управления Областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ЧАО в г. Чебоксары был упразднен.

В условиях сложившейся социально-экономической обстановки в регионе и в стране в целом, несмотря на все трудности, лагерь смог сохраниться, действовать и решать свои задачи. Уже в 1920-х гг. труд заключенных в лагерях принудительных работ был экономически выгодным для государства. Такая модель учреждений, основанная на использовании массового труда заключенных, легла в основу развития лагерной системы отбывания наказаний в 1930-е гг. и стала отправной точкой в создании системы исправительно-трудовых учреждений [10]. Ликвидацию системы лагерей принудительных работ можно рассматривать как проявление либерализации исправительно-трудовой политики в целом, которое было связано с переходом от политики «военного коммунизма» в РСФСР к новой экономической политике – НЭП [11].

Литература

1. Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права: Лекция. Рязань: 1975. 51 с.
2. Государственный исторический архив Чувашской республики (далее ГИА ЧР). Ф. 583. Оп. 1. Д. 1.
3. ГИА ЧР. Ф. 583. Оп. 1. Д. 4.
4. ГИА ЧР. Ф. 583. Оп. 1. Д. 5. Л. 63.
5. ГИА ЧР. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7.
6. ГИА ЧР. Ф. 583. Оп. 1. Д. 29. Л. 30.
7. ГИА ЧР. Ф. 583. Оп. 1. Д. 38.
8. Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М.: Респ. ин-т повышения квалификации работников МВД России, 1992. 192 с.
9. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
10. Михеенков Е.Г. Бытовые условия отбывания наказания в лагерях принудительных работ ГУПР НКВД РСФСР на территории западной Сибири в 1920-х гг. // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конференции. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2016. С. 78–79.
11. Михеенков Е.Г. Историко-правовой анализ становления и развития системы лагерей принудительных работ ГУПР НКВД РСФСР на территории западной Сибири в 1920-х годах // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1(26). С. 135–143.

ВЫРЛАН ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (elenavyrlan7@gmail.com).

Elena V. VYRLAN

ACTIVITIES OF THE FORCED LABOR CAMP IN THE CHUVASH AUTONOMOUS REGION IN THE TOWN OF CHEBOKSARY

Key words: *personnel, forced labor camp, prisoners, famine, the Chuvash Autonomous Region (1920–1925), revolutionary tribunal.*

The article attempts to analyze the activities of forced labor camps using as an example the functioning of the Forced Labor Camp of the Chuvash Autonomous Region (ChAO) in 1920–1921. The work is based on previously unpublished sources of the State Historical Archive of the Chuvash Republic. The study shows the features of classifying the prisoners, their number in the forced labor camp of the Chuvash Autonomous Region in the town of Cheboksary, the regime restrictions imposed on them, it also analyses the most frequent violations of discipline in the camp, shows the issues of the camp organization and the conditions of service in it, the system of employees' remuneration, as well as the difficulties in the institution's functioning under existing socio-economic situation during the years of mass famine in the Volga region. The history of establishment and operation of forced labor camps is currently poorly covered, especially at the regional level. Basing on the results of the study, the author makes a conclusion on the reasons for liquidation of forced labor camps, as well as on the need for detailed studying the regional aspects of the problem under consideration.

References

1. Astemirov Z.A. *Istoriya sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava*. [History of Soviet Corrective Labor Law. Ryazan, 1975, 51 p.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki*. R. 583. Op. 1. D. 1 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 583. Anagraph 1. Document 1].
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki*. R. 583. Op. 1. D. 4 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 583. Anagraph 1. Document 4].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki*. R. 583. Op. 1. D. 5 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 583. Anagraph 1. Document 5].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki*. R. 583. Op. 1. D. 7 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 583. Anagraph 1. Document 7].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki*. R. 583. Op. 1. D. 29 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 583. Anagraph 1. Document 29].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki*. R. 583. Op. 1. D. 38 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 583. Anagraph 1. Document 38].
8. Detkov M.G. *Soderzhanie penitentsiarnoi politiki Rossiiskogo gosudarstva i ee realizatsiya v sisteme ispolneniya ugovornogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v period 1917–1930 gg.* [The content of the penitentiary policy of the Russian state and its implementation in the system of execution of criminal punishment in the form of imprisonment in the period 1917–1930]. Moscow, 1992, 192 p.
9. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty* [The history of the GULAG, 1918–1958: socio-economic and political-legal aspects]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 438 p.
10. Mikheenkov E.G. *Bytovye usloviya otbyvaniya nakazaniya v lageryakh prinuditel'nykh rabot GUPR NKVD RSFSR na territorii zapadnoi Sibiri v 1920-kh gg.* [Living conditions of serving sentences in forced labor camps of the Main Directorate for Internal Affairs of the NKVD of the RSFSR in Western Siberia in the 1920s. Legal problems of strengthening the Russian statehood]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti: sb. tr. Vseross. Konf.* [Proc. of Sci. Conf. «Legal problems to strengthen Russian statehood»]. Tomsk, 2016, pp. 78–79.
11. Mikheenkov E.G. *Istoriko-pravovoi analiz stanovleniya i razvitiya sistemy lagerei prinuditel'nykh rabot GUPR NKVD RSFSR na territorii zapadnoi Sibiri v 1920-kh godakh* [Historical and legal analysis of the formation and development of the system of forced labor camps of the GUPR NKVD of the RSFSR on the territory of western Siberia in the 1920s]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2016, no. 1(26), pp. 135–143.

ELENA V. VYRLAN – Post-Graduate Student, Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (elenavyrlan7@gmail.com).

Формат цитирования: Вырлан Е.В. Деятельность лагеря принудительных работ Чувашской автономной области в г. Чебоксары // Вестник Чувашского университета. – 2021. – № 2. – С. 22–26. DOI: 10.47026/1810-1909-2021-2-22-26.